

# РЫЦАРЬ, КОТОРЫЙ ЗАБЫЛ, КТО ОН

Александр Линдер

18+

Александр Линдер

**Рыцарь, который забыл, кто он**

«Автор»

2026

**Линдер А.**

Рыцарь, который забыл, кто он / А. Линдер — «Автор», 2026

Рыцарь просыпается на поле боя без памяти — с чужим именем на мече и чужим гербом на груди. Одна деревня называет его спасителем. Другая — убийцей. Каждый, кто встречает его, рассказывает свою версию его прошлого, и все они искренни. Чтобы понять, кто он, ему придётся пройти путь от рыцаря до человека без имени — и решить, важнее ли то, кем ты был, или то, кем ты стал. «Рыцарь, который забыл, кто он» — камерная притча о памяти, вине и свободе быть никем.

© Линдер А., 2026

© Автор, 2026

# Александр Линдер

## Рыцарь, который забыл, кто он

РЫЦАРЬ, КОТОРЫЙ ЗАБЫЛ, КТО ОН

Глава 1. Пробуждение

Первое, что он почувствовал, — запах.

Не боли, не холода, не сырой земли. Запах. Тяжёлый, сладковатый, с металлическим привкусом на языке. Кровь. Много крови. Она пропитала воздух так густо, что казалось, её можно пить.

Он открыл глаза.

Небо было серым, низким, будто давило на лицо. По нему медленно ползли облака — тяжёлые, как мокрое бельё. Где-то кричала ворона. Потом ещё одна. Потом — целая стая.

Он попытался подняться и понял, что не может пошевелить левой рукой. Она лежала где-то в стороне, придавленная чем-то тяжёлым. Он повернул голову — и увидел, что это не его рука. Это была чужая рука в кольчуге, а под ней — лицо. Молодое, спокойное, с открытыми глазами, в которых уже не было ничего.

Он не знал этого человека.

Он вообще ничего не знал.

Голова отозвалась тупой, раскалывающейся болью. Он поднёс правую руку к лицу — пальцы в кожаной перчатке коснулись чего-то липкого и горячего. Над бровью была рана. Пальцы окрасились в красный.

Он сел. Медленно, опираясь на что-то твёрдое — оказалось, щит. Чужой щит с треснувшим краем. Вокруг него, насколько хватало глаз, лежали тела. Десятки. Сотни. Они лежали в неестественных позах, как брошенные куклы. Кто-то в доспехах, кто-то в простой холщовой рубахе. Кто-то с оружием в руках, кто-то без.

Поле боя. Он знал это слово. Знал, что оно значит. Но не помнил, откуда.

Он посмотрел на себя. На нём были доспехи. Хорошие. Дорогие. Нагрудник с гравировкой, наплечники, поножи. Всё покрыто грязью и кровью — но чужой или его собственной, он не понимал. На груди, прямо напротив сердца, был выгравирован герб: чёрный волк на серебряном поле. Волк стоял на задних лапах, оскалив пасть.

Он смотрел на волка долго. Волк смотрел на него.

— Кто ты? — прошептал он.

Голос был хриплым, чужим. Будто говорил не он, а кто-то другой, сидевший внутри его горла.

Ответа не было.

Он огляделся в поисках хоть какой-то подсказки. Рядом с его правой рукой лежал меч. Длинный, тяжёлый, с простой крестовиной. Он взял его — рука привычно обхватила рукоять, будто делала это тысячи раз. Это было единственное, что показалось знакомым.

На клинке, у самой гарды, была выгравирована надпись. Он поднёс меч к глазам, разбирая буквы. Читать он умел — это он помнил. Помнил, как складываются буквы в слова, как слова складываются в смысл. Но само имя...

Гидеон.

Он произнёс его вслух. Оно ничего не вызвало. Ни образа, ни чувства, ни тепла. Просто звук. Просто слово.

— Гидеон, — повторил он.

Ворона каркнула где-то совсем близко. Он вздрогнул.

Он поднялся на ноги. Это заняло время. Колени дрожали, мир качался, как палуба корабля. Он опёрся на меч, воткнув его в землю. Дышал тяжело, хрипло.

И тогда он увидел флягу.

Она лежала на боку, в двух шагах от него, пристёгнутая ремнём к поясу мёртвого человека. Человек лежал лицом вниз, раскинув руки. У него была пробита спина — сквозь кольчугу торчал обломок копья.

Горло пересохло. Он вдруг понял, что хочет пить так сильно, что готов был бы отдать всё на свете за глоток воды. Он сделал шаг к мёртвому. Потом ещё один. Потом остановился.

Это было мародёрство.

Откуда он знал это слово? Откуда знал, что это плохо? Он не помнил, кто его этому научил. Но чувство было чётким, как боль: брать у мёртвых — неправильно.

Он стоял над телом и смотрел на флягу. Ветер шевелил волосы мёртвого человека. Тот был молод. Может быть, моложе его самого.

— Прости, — сказал он вслух и сам удивился, зачем это сказал.

Он наклонился, отстегнул флягу и сделал глоток. Вода была тёплой и отдавала кожаным ремнём. Но она была. Он выпил половину, потом закрыл флягу и повесил себе на пояс. Вторую половину он оставит. На потом. Если будет это «потом».

Он снова посмотрел на мёртвого. Тот не шевелился. Ворона села ему на плечо и склонила голову набок.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он у вороны.

Ворона не ответила. Только каркнула и улетела.

Он пошёл. Куда — не знал. Просто пошёл, потому что стоять было страшнее. Ноги несли его через поле, между телами, мимо сломанных копий и треснувших щитов. Он старался не смотреть под ноги. Но всё равно смотрел.

Один раз ему показалось, что кто-то стонет. Он остановился, прислушался. Тишина. Только ветер. Только вороны. Только его собственное дыхание.

Он шёл, пока поле не кончилось. За ним начинался лес — редкий, светлый, с берёзами и молодыми дубами. Он вошёл под сень деревьев, и там стало тише. Пахло сырой землёй и прелыми листьями. Он сел на поваленное дерево и закрыл лицо руками.

— Гидеон, — прошептал он. — Меня зовут Гидеон.

Но это ничего не меняло.

Он не помнил, кто он. Не помнил, откуда пришёл. Не помнил, за кого сражался. Не помнил, убивал ли он сегодня. И если убивал — то кого.

Он сидел на поваленном дереве, в чужом лесу, с чужим именем на мече и чужим гербом на груди. И единственное, что он знал точно, — это то, что он жив.

Пока жив.

Глава 2. Первая версия: герой

Он шёл через лес, пока не услышал петуха.

Петух кричал где-то впереди — пронзительно, настойчиво, по-хозяйски. Звук был настолько обыденным, настолько мирным, что рыцарь остановился и слушал его целую минуту. Петух. Значит, люди. Значит, деревня.

Он поправил меч на поясе — тот висел неудобно, цеплялся за ноги, — и пошёл на звук.

Лес кончился внезапно. За последними деревьями открылось поле, засеянное чем-то низким и зелёным, а за полем — деревня. Десятка два домов, крытых соломой, дым из труб, покосившийся забор. У околицы паслась коза. Обычная коза, серая, с облезлым боком. Она посмотрела на него без всякого интереса и вернулась к траве.

Рыцарь вышел из леса и остановился.

Он не знал, что делать дальше. Подойти? Постучать? Что сказать? «Здравствуйте, я не помню, кто я»? Он стоял на краю поля и чувствовал себя голым, хотя был в доспехах.

Первым его заметил мальчишка. Лет десяти, в рваной рубахе, босой. Он гнал гусей — трёх тощих гусей — и вдруг замер. Гуси пошли дальше, а мальчишка остался стоять, открыв рот.

Потом он развернулся и побежал в деревню, крича что-то на бегу.

Рыцарь не двинулся с места. Через минуту из-за домов начали выходить люди. Сначала один мужик с вилами. Потом женщина с ребёнком на руках. Потом ещё двое, ещё трое. Они собирались у околицы и смотрели на него. Не подходили.

Он поднял руку — медленно, показывая, что не держит оружия. Рука дрожала. От слабости, не от страха.

Тогда вперёд вышел старик. Седой, сторбленный, в длинной рубахе до колен, подпоясанной верёвкой. Он шёл медленно, опираясь на палку, и остановился в десяти шагах от рыцаря.

Посмотрел на герб. На чёрного волка.

И упал на колени.

— Господин, — сказал он хрипло. — Вы вернулись.

Рыцарь не знал, что ответить. Он смотрел на старика, стоящего на коленях в грязи, и чувствовал только одно: неловкость. Огромную, невыносимую неловкость.

— Встаньте, — сказал он. Голос всё ещё был хриплым, но теперь в нём появилась твёрдость. — Не надо... не надо так.

Старик поднял голову. В глазах у него стояли слёзы.

— Мы думали, вас убили. Все думали. Там, на поле... — Он махнул рукой куда-то назад, в сторону леса. — Мы слышали, как вы ушли с отрядом. Двадцать человек. Вернулся только один — и тот без головы. А вы... вы живы.

Рыцарь молчал.

— Вы спасли нас, господин, — продолжал старик, и голос его креп. — В прошлом месяце. Разбойники пришли с холмов, жгли дома, забирали скот. Мы уже думали — всё, конец. А вы пришли с людьми. Выгнали их. Никого из наших не тронули. — Он снова поклонился. — Мы молились за вас. Каждый день молились.

За спиной старика люди начали подходить ближе. Женщина с ребёнком улыбалась. Мужик с вилами опустил их и теперь стоял, переминаясь. Мальчишка, который привёл всех, смотрел на рыцаря во все глаза, как на святого.

— Как вас зовут, господин? — спросил старик. — Мы запомнили герб, но имя...

— Гидеон, — сказал он.

Слово вышло само. Он не был уверен, но это было единственное имя, которое у него было.

— Гидеон, — повторил старик благоговейно. — Господин Гидеон. Пойдёмте в дом. Вы, наверное, голодны. Простите, что не сразу узнали — доспехи в грязи, а мы люди простые...

Его повели в деревню. Люди расступались, кланялись. Кто-то побежал вперёд — предупредить. Женщина с ребёнком дотронулась до его рукава, и он вздрогнул. Она отдернула руку и испуганно улыбнулась.

— Простите, господин.

— Ничего, — сказал он.

Его посадили за стол в самом большом доме. Стол был грубый, дощатый, но на нём появилось всё, что было в деревне: хлеб, сыр, варёная репа, кувшин с молоком. Старик — его звали Вульф — сидел напротив и не сводил с него глаз. Вокруг толпились люди. Дети заглядывали в окна.

— Ешьте, господин, — говорил Вульф. — Вы, должно быть, три дня не ели.

Рыцарь взял хлеб. Он был чёрствый, но тёплый. Он откусил кусок и вдруг понял, что действительно голоден. Голоден так, что готов был заплакать.

— Расскажи мне, — сказал он, прожевав. — Что было. Всё.

Вульф рассказывал долго. Про разбойников с холмов, которые приходили каждую осень. Про то, как в прошлом году сожгли три дома и увели двух коров. Про то, как в этом году пришли снова — но уже с факелами. Про то, как на дороге появился отряд под чёрным волком. Как рыцари разбили разбойников, как гнали их до реки. Как господин Гидеон лично зарубил их главаря — огромного мужика с рыжей бородой.

— Вы стояли над ним, — говорил Вульф, и глаза его блестели, — и сказали: «Больше вы сюда не придёте». И они не пришли. Мы сложили про вас песню, господин. Хотите, споём?

— Не надо, — быстро сказал рыцарь. — Не надо песню.

Он ел и слушал. И чем больше слушал, тем страннее ему становилось. Он пытался представить себя на коне, с мечом, кричащим на разбойников. Не получалось. В голове была пустота, гладкая, как стена. Ни образа, ни звука, ни ярости.

Но люди говорили искренне. Вульф не врал — он верил каждому своему слову. И женщина верила. И мальчишка. Они смотрели на него так, будто он был... кем-то. Кем-то большим, чем он чувствовал себя сейчас, с куском хлеба в руке и дыркой в голове.

— Господин, — сказала женщина с ребёнком. — А вы помните моего мужа? Он с вами ходил. Ганс. Он не вернулся.

Рыцарь замер.

— Ганс, — повторил он.

Он не помнил Ганса. Не помнил ни лица, ни голоса, ни того, как тот умирал. Он не знал, что сказать. Он смотрел на женщину и видел в её глазах надежду — глупую, отчаянную надежду на то, что он скажет: «Да, помню. Он был храбрым. Он умер достойно».

Он ничего не сказал.

— Он был хорошим человеком, — тихо сказала женщина. — Правда?

— Да, — сказал рыцарь. — Он был хорошим.

Он не знал, правда ли это. Но ложь была милосерднее правды. Или он снова врал сам себе?

Женщина улыбнулась сквозь слёзы и ушла. А он остался сидеть с куском хлеба в руке, который вдруг стал тяжёлым, как камень.

Вечером его отвели в отдельный дом — маленький, но чистый. Постелили соломы, дали одеяло. Вульф долго стоял в дверях, не решаясь уйти.

— Господин, — сказал он наконец. — Можно спросить?

— Спрашивай.

— Почему вы не сняли доспехи? Целый день в них. Тяжело ведь.

Рыцарь посмотрел на себя. Нагрудник с чёрным волком. Наплечники. Поножи. Всё в грязи и крови. Он и правда не снимал их. Не потому, что забыл. Потому что под ними он был никем. А в них — кем-то.

— Привычка, — сказал он.

Вульф кивнул, будто это всё объясняло.

— Спокойной ночи, господин Гидеон.

— Спокойной ночи.

Дверь закрылась. Рыцарь остался один.

Он лежал на соломе, не снимая доспехов, и смотрел в потолок. За стеной кто-то тихо пел — женщина, колыбельную. Скрипело колесо колодца. Лаяла собака. Мирная, обычная жизнь.

Он закрыл глаза.

И тут же снова открыл.

Потому что за окном, на краю деревни, у самого леса, стоял человек. В темноте, не двигаясь, не подходя ближе. Просто стоял и смотрел на дом.

Рыцарь приподнялся на локте. Человек был невысокий, в длинном плаще с капюшоном. Лица не видно. Он стоял неподвижно, как столб.

А потом повернулся и ушёл в лес.

Рыцарь лежал и слушал, как стучит сердце. Он не знал, кто это был. Не знал, показалось ли ему. Но одно он знал точно: этот человек не хотел, чтобы его видели.

Утром он спросил Вульфа, кто ходит по ночам у леса.

Старик пожал плечами:

— Да никто, господин. Разве что лесник. Но он старый, ему не до ходьбы.

Рыцарь кивнул и ничего не сказал.

Но когда он уходил из деревни — а он ушёл на рассвете, несмотря на уговоры остаться, — он шёл не по дороге. Он шёл вдоль опушки, туда, где ночью стоял человек. И на мягкой земле у края леса он нашёл следы.

Не сапоги. Не лапти.

Босые ноги.

Глава 3. Вторая версия: убийца

К полудню он вышел к реке.

Он шёл вдоль опушки, держась следов босых ног, но они скоро пропали — земля стала твёрдой, каменистой. Тогда он просто пошёл на север, куда глаза глядят. Река появилась неожиданно: за поворотом тропы, широкая, медленная, серая под серым небом. На другом берегу стоял городок — стены, башня, дым. Мост через реку был деревянный, старый, но крепкий.

У моста его остановил стражник.

— Стой. Кто таков?

Стражник был молодой, с круглым лицом и прыщами на лбу. Он смотрел на доспехи рыцаря с уважением, но копьё держал поперёк дороги.

— Гидеон, — сказал рыцарь.

— Гидеон... — Стражник нахмурился, будто вспоминал. — Герб чей?

— Чёрный волк.

— Чёрный волк, — повторил стражник. И вдруг лицо его изменилось. Уважение исчезло. Осталось что-то другое — настороженность, что ли. Или страх. — Проходите, господин.

Он убрал копьё и отступил. Но когда рыцарь прошёл мимо, он почувствовал на спине его взгляд. Стражник смотрел ему вслед. Долго.

Городок был небольшой, но живой. Улица шла в гору, к башне. По бокам — лавки, мастерские, лотки с овощами. Пахло свежим хлебом и навозом. Люди сновали туда-сюда, кто с корзиной, кто с тележкой, кто просто так.

И тут он заметил, что происходит что-то не то.

Женщина с корзиной яблок, которая шла ему навстречу, вдруг свернула в переулок. Двое мужчин у кузницы замолчали, когда он прошёл мимо, и проводили его глазами. Мальчишка, игравший в пыли, вскочил и убежал.

Никто не кланялся. Никто не улыбался. Его не спасали — его боялись.

У таверны он остановился. Вывеска — кружка пива, нарисованная на доске. Внутри было темно и шумно. Он толкнул дверь.

Разговоры стихли. Не сразу, постепенно, как вода, которая замерзает: сначала один стол, потом другой, потом все. Кто-то уронил ложку. Звякнуло.

Рыцарь стоял в дверях.

Хозяин — толстый, с сальными волосами — вышел из-за стойки и сказал, заикаясь:

— Г-господин. Чем могу?

— Воды, — сказал рыцарь. — И хлеба.

— С-сейчас.

Он сел за пустой стол у стены. Люди за другими столами старались не смотреть на него. Но смотрели. Украдкой. И шептались.

Он ел хлеб и слушал.

— ...говорят, он вернулся...

— ...тот самый? С волком?

— ...а я слышал, он сжёг...

— ...тише ты...

Хозяин принёс воду и поставил на стол так осторожно, будто она была из стекла.

— Господин, — сказал он тихо. — Простите. Вы, наверное, к лорду?

— К какому лорду?

Хозяин моргнул.

— К лорду Альберту. Он здесь... он теперь здесь главный. После того, как...

Он замолчал.

— После чего?

— После того, как вы... — Хозяин сглотнул. — Простите. Я не должен был.

Рыцарь отставил кружку.

— Говори.

Тишина в таверне стала такой плотной, что её можно было резать.

Хозяин оглянулся на посетителей, будто искал поддержки. Никто не помог. Тогда он наклонился ближе и зашептал:

— Господин, я вас не знаю. Я вас впервые вижу. Но герб этот... чёрный волк... — Он понизил голос ещё больше. — В прошлом году отряд под этим гербом сжёг деревню Кривой Брод. Дотла. Вместе с людьми. Говорят, приказ был от короля — за мятеж. Но люди помнят. Люди не забывают.

Рыцарь смотрел на него.

— Я был в том отряде?

— Не знаю, господин. — Хозяин выпрямился. — Я простой трактирщик. Я не знаю, кто вы. Но когда вы вошли... — Он запнулся. — У вас на наплечнике. Слева. Кровь. Свежая.

Рыцарь опустил глаза. На левом наплечнике, у самого края, темнело бурое пятно. Он не заметил его раньше. Может, это была его собственная кровь. Может, чужая.

— Это с поля боя, — сказал он.

— Конечно, господин, — быстро кивнул хозяин. — Конечно. Я ничего не говорил.

Он ушёл за стойку и больше не подходил.

Рыцарь сидел и смотрел в стену. Кривой Брод. Он повторял это название про себя, и оно ничего не вызывало. Ни образа, ни запаха гари, ни криков. Пустота.

А потом дверь таверны открылась, и вошла старуха.

Она была маленькая, сгорбленная, в чёрном платке. В руках — палка. Она вошла и остановилась, будто искала кого-то. Увидела его. И лицо её перекосилось.

— Ты, — сказала она.

Голос был скрипучий, как несмазанное колесо.

— Ты вернулся.

Она пошла к нему. Люди за столами отодвинулись. Она шла, опираясь на палку, и с каждым шагом её лицо становилось всё страшнее.

— Ты сжёг мой дом, — сказала она. — Ты убил моего сына. Я тебя помню. Я тебя никогда не забуду.

Рыцарь поднялся.

— Я не...

— Молчи! — Она замахнулась палкой. Он не двинулся. Палка ударила его по плечу, по доспеху, и отскочила. Старуха покачнулась. — Я тебя видела. Ты стоял у моего дома. Ты держал факел. Ты смеялся.

— Я не помню, — сказал он.

Старуха замерла. Потом лицо её медленно изменилось. Ненависть осталась, но к ней прибавилось что-то ещё. Недоумение.

— Не помнишь? — повторила она. — Ты не помнишь?

Она смотрела на него долго. Потом spit на пол — прямо ему под ноги.

— Господи, — сказала она тихо. — Он даже не помнит. Он убил моего сына и даже не помнит.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.